

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАТЕГОРИЙ «ОТПРАВИТЕЛЬ РЕЧИ» И «ПОЛУЧАТЕЛЬ РЕЧИ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ САН-АНТОНИО)

Т. П. Понятина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 8 декабря 2009 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме внутренней дифференциации категорий «отправитель речи» и «получатель речи» применительно к художественным текстам. Исследование ведется на материале романов французского писателя Сан-Антонио. Определяются эксплицитные элементы, формирующие образы повествователя и читателя. К ним относятся авторские обращения к читателю и разнообразные метатекстовые вкрапления.

Ключевые слова: повествователь, читатель, дифференциация, обращение, метатекст, французский роман.

Abstract: the paper deals with the problem of internal differentiation categories of the «sender of speech» and the «recipient of speech» in literary texts. The study is conducted on the material of the novels of French writer San-Antonio. The paper defines explicit elements that form the images of the narrator and the reader. These include the author's appeal to the reader and a variety of metatextual inclusions.

Key words: narrator, reader, differentiation, appeal, metatext, French novel.

Одной из самых характерных черт современной прозы является заметное повышение эффективности взаимодействия автора и читателя. Поэтому исследование речевых форм проявления автора в тексте и направленности художественного текста на активизацию деятельности читателя представляется весьма актуальным. Задача эта усложняется при исследовании текстов, написанных от первого лица. В данной статье мы обращаемся к рассмотрению категорий «отправитель речи» и «получатель речи» применительно к литературно-художественной коммуникации.

Рассмотрение статуса отправителя речи в художественных текстах должно отталкиваться от ряда положений, первое из которых: текст есть основная единица коммуникации; основная же коммуникативная функция художественного текста – передача эстетической информации. Подобный подход к тексту давно утвердился в лингвистике как отечественной, так и зарубежной. Достаточно назвать такие фамилии, как Г. В. Колшанский, И. Р. Гальперин, Ю. М. Лотман, О. И. Москальская; Ц. Тодоров, Ж. Женетт и др. Художественный текст, таким образом, входит в коммуникативную цепочку «отправитель – текст – получатель», или «автор – текст – читатель». Далее, базовым для нашей статьи является дифференцированный подход к категории «автор»: как хорошо известно, данная проблема – разработка понятия «образ авто-

ра», разграничение автора как реального человека и как писателя – обстоятельно исследована в работах В. В. Виноградова [1].

В современной нарратологии категории «автор» и «повествователь» разделяются. Автор скрывается за повествователем, передавая ему свой голос. Но автор не идентичен повествователю, повествователь – вымышленная фигура, воплощающая конкретное, реализуемое в данном художественном произведении намерение автора, которое у писателя меняется от книги к книге.

Разделение этих двух категорий логично привело к дифференциации третьего звена коммуникативной цепочки – категории «читатель». Если получателем информации от отправителя «автор» является конкретный читатель, то получателем информации от повествователя следует признать некоего идеального, мыслимого повествователем читателя. Эта категория получила в работах Ж. Женетта название «narrataire» (Женетт использовал термин Р. Барта) [2], которое передают не вполне устоявшимся термином «наррататор». Наррататор – адресат повествователя, его мыслимый слушатель. Он обладает определенными чертами, по-разному эксплицируемыми в произведении, но которые, очевидно, можно воссоздать, опираясь на ту сумму ожиданий повествователя, которая побуждает его вести рассказ в определенном регистре, предполагающем определенные знания у адресата.

Именно поискам формальных признаков писателя и читателя внутри художественного произведения

посвящена данная статья. Исследование проводилось на материале романов французского писателя Фредерика Дара, писавшего под псевдонимом Сан-Антонио. Сан-Антонио – это одновременно маска писателя и имя главного героя его иронических детективов, полицейского комиссара.

Образ идеального читателя, составляющий с образом автора симметричное единство, легко выводится при опоре на те социально-культурные референции, к которым прибегает Сан-Антонио. Мы встречаем в его романах не только приметы времени, в котором живут герои и автор, такие, как имена киноактеров, спортсменов, политических деятелей Франции и других стран, телевизионных ведущих, названия фильмов, ссылок на хорошо известные, имевшие хождение во время выхода книги рекламные тексты. В книгах Сан-Антонио, несмотря на то, что некоторые критики относили их к низкому жанру детективной литературы, широко представлен пласт художественной французской и мировой культуры, причем в текстах не просто упоминаются имена поэтов, художников, композиторов, но и строки из стихов, или названия музыкальных произведений обыгрываются таким образом, что для понимания требуется определенная доля эрудиции.

Рассмотрим пример. Характеризуя жену своего коллеги, отличающуюся излишней худобой, один из помощников комиссара произносит: *La danse de ma cabre de mes cinq sens ! (Дословно: танец подъемного крана, клянусь моими пятью чувствами!)* Здесь используется трудно переводимая игра слов, основанная на сближении данной фразы с названием музыкального произведения «Пляска со смертью», которое по-французски звучит «La danse macabre», и фамилией композитора Сен-Санса. Разумеется, читатель должен знать это произведение, чтобы оценить юмор фразы. Приведем еще один пример: *Un président-poète, ça doit être drôlement chouette, non ? Vous aimez pas, vous ? Il promulguerait les lois en vers (au lieu de les promulguer envers et contre tous). «Un arbre sur la T.V.A. berce sa palme...»* [3] (*Президент-поэт, как это должно быть классно! Вам бы понравилось, или нет? Он выпускал бы стихотворные, а не стихийные законы: «Над кровлей дерево одно налогом веет...»*) (Здесь и далее перевод наш. – Т. П.) Последняя фраза представляет собой искаженную строку из стихотворения Поля Верлена «Над кровлей небо лишь одно, лазурь яснее. Над кровлей дерево одно вершиной веет...» Разумеется, читатель должен быть достаточно эрудирован, чтобы узнать скрытый за пародией оригинал.

Одновременно идеальный читатель романов Сан-Антонио должен быть свободен от условностей, быть открытым его шуткам в духе Рабле и фамильярно-просторечным выражениям.

Наиболее явно обнажают диалог «отправитель – получатель» обращения к воображаемым читателям, которыми избилуют романы Сан-Антонио. Образ читателей, который возникает из этих наименований, не совпадает с имплицитным обобщенным образом, к которому на самом деле апеллируют романы. В обращениях содержатся разнообразные характеристики такого внутреннего, придуманного читателя именно данной книги. Этот мыслимый и эксплицированный читатель многолик. Он может быть читателем-мужчиной, не совсем умным и сообразительным, которому надо постоянно все пояснять: *En bout de monologue, savez-vous comment je me comporte, mes canards boiteux? Non? Me surprends pas de vos jugeotes blettes* [4]. (*Догадываетесь, мои хромоногие утята, что я предпринимаю по окончании монолога? Как, нет? Впрочем, я давно уж не удивляюсь, что вы так вяло соображаете.*) Можно привести много обращений, вписывающихся в эту характеристику: *mes gueux, mes canailles, tas de naves (moi недоумки, канальи, куча тупиц)*, и т. п. Второй тип – читательница-женщина, которая отличается привлекательностью, поэтому ей постоянно подбираются лестные наименования: *mes belles, mes chéries chéries, mes mignonnes, mes colombes (moi красавицы, дорогие дорожки, милашки, голубки)*... Но она также не отличается острым умом, что повествователь ей с удовольствием прощает.

Реальный читатель оказывается втянутым в игру, которая ему навязывается; данные обращения призваны сблизить, с одной стороны, образ повествователя и образ главного героя – комиссара, описывающего свои приключения для хороших знакомых, а с другой – установить тесный контакт читателей с повествователем. По предположению повествователя, читатели активно осмысливают его произведение, пытаются предугадать ход интриги, восхищаются его стилем и т. д.

В тексте своих романов Сан-Антонио нередко прибегает к метатекстовым вкраплениям, которые создают второй план коммуникации, относящийся не к предмету изображения, а к тому, как он изображается. При этом метатекст выражает точку зрения повествователя, максимально сближенного с реальным автором, так как содержит в ироничной, саркастичной, нередко гротесковой форме полемику Фредерика Дара с литературными критиками, не принимавшими романы Сан-Антонио, не считавшими его настоящим писателем, не видевшими в нем продолжателя раблезианских традиций французской литературы и отвергавшими его необыкновенный талант новатора, творца. Метатекст иногда органично вписан в повествование, иногда выносится за его границы, но всегда сохраняет обращенность к читателю.

Метатекстовые вкрапления у Сан-Антонио используются в следующих формах:

1. В авторских отступлениях: *...on me lit dans les z'hautes sphères. J'en reçois les vibrants témoignages chaque jour. Pis, ou plutôt mieux : j'influence (...меня действительно читают в заоблачных сферах. Каждый день я получаю тому волнующие подтверждения. Хуже того, или, пожалуй, лучше: я оказываю влияние)* [4].

2. В сносках: *N'oublions pas que demain il y a fête à bras.* Авторская сноска к этой фразе: *Expression san-antonienne signifiant que le labeur sera rude. (Не забудем, что завтра рукоприкладный праздник. Сноска: Сан-антониозорство, выражение, означающее, что назавтра придется вкалывать)* [5]. Другой пример сноски: *Beaucoup de gens se demandent pourquoi je donne systématiquement des noms aussi farfelus aux personnages et aux lieux de mes récits. Je vais vous avouer une chose : je me le demande aussi* [3]. (Меня многие спрашивают, почему я даю такие диковинные имена персонажам и местам действия в моих рассказах. Признаюсь вам: я сам себя об этом тоже спрашиваю.) Никакой необходимости в подобных сносках нет, но Сан-Антонио специально привлекает внимание читателей к особенностям своего письма; за шуточной и нарочито игривой интонацией скрывается горечь от недооценки его со стороны публики, не привычной к свободе в использовании возможностей языка.

3. В текстовых пояснениях: *Sur ces nobles paroles (si j'ose user de ce qualificatif pour saluer une aussi démocratique diatribe) le Mastar enfile sa veste...* [3] (Закончив эту благородную речь (если только я осмелюсь использовать подобную характеристику по отношению к такому демократическому обвинительному выступлению), Громила натягивает куртку...). В другом месте, после искусно закрученного эпизода, Сан-Антонио обращается к читателю: *Supérieurement pensé, hein ? Merci de me le dire* [3]. (Восхитительно придумано, а? Спасибо, что вы мне это сказали.)

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Понятина Т. П., кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии

E-mail: manon16kovrov@rambler.ru

Тел.: (831) 467-23-46; 8-905-662-62-37

Итак, Фредерик Дар передает свой голос несколькими маскам. В романах он сам проявляется только в посвящениях, где упоминаются реальные люди: его личные друзья, знакомые, единомышленники. Это первый уровень коммуникации, выходящий за собственно литературные рамки. Писатель Сан-Антонио обращается к имплицитному читателю, обладающему определенной эрудированностью, большой долей юмора, способному оценить его творческие находки. Одновременно он ведет полемику с критиками и подражателями (*Si vous trouvez mes textes cons au point de pouvoir les imiter, un bon conseil : lisez autre chose !*) [3] (И если вы посчитаете, что мои тексты настолько тупы, что их можно симитировать, то вот вам добрый совет: почитайте что-нибудь другое!) Повествователь же, прячущийся за маску главного героя, общается с эксплицитными воображаемыми читателями по другим законам: законам литературной игры. Эти читатели – желаемые, любящие и принимающие озорные и смелые шутки, переживающие вместе с комиссаром его необычные приключения, включены в саму ткань произведения.

Дифференциация понятий «автор» и «читатель» позволяет, таким образом, глубже проникнуть в композиционно-смысловую организацию романов Сан-Антонио.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.
2. Genette G. Figures III / G. Genette. – Paris : Seuil, 1972. – 286 p.
3. *San-Antonio*. Bravo, docteur Béru ! /San-Antonio. – Paris : Fleuve Noir, 1968. – 250 p.
4. *San-Antonio*. Béru-Béru /San-Antonio. – Paris : Fleuve Noir, 1970. – 475 p.
5. *San-Antonio*. Vas-y, Béru ! /San-Antonio. – Paris : Fleuve Noir, 1965. – 220 p.

Nizhni Novgorod State Linguistic University
Ponyatina T. P., Candidate of Philological Sciences,
Professor, Department of French Philology
E-mail: manon16kovrov@rambler.ru
Tel.: (831) 467-23-46; 8-905-662-62-37